

Л.И. ГРАЦИАНСКАЯ (Москва)

**МЕСТО ТЕОЛОГИИ
В СВЕТСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПАМЯТНИКЕ
(теологические изыскания Страбона)**

Божественная власть пронизывала все области жизни древних греков и римлян на протяжении всего существования античности. Конкретные же проявления античного религиозного менталитета и ритуала были разнообразны и варьировали как в диахронии, так и в географическом и социальном пространствах.

При диахроническом и разно-территориальном сохранении определенного ядра религиозных представлений и проявлений античности, разнообразие локальных или относящихся к определенному отрезку времени представлений и проявлений было велико. Это разнообразие часто достигалось эволюционным путем. Эволюцию религиозных представлений и ритуала достаточно часто, но отнюдь не всегда, можно проследить источниковедчески. Однако надо принимать во внимание и революционный путь возникновения античных религиозных представлений и проявлений, чаще всего реализующийся в синкретизме культов или их заимствовании, но подчас и в определенной спонтанности их возникновения.

Политеистическая(ие) религия(ии) древних греков и римлян не знала(и) общепринятых религиозных догматов. В соответствии с сохранившимися до нас источниками современные исследователи справедливо определяют религию древних греков и римлян как ритуалистическую: именно изучение, обсуждение, передача и фиксация ритуальных моментов составляет содержание большинства дошедших до нас литературных и эпиграфических источников, не говоря уже об источниках археологических, имеющих отношение исключительно к ритуальной стороне античных религий. Даже в, казалось бы, религиозно-тематических поздних трактатах Цицерона «О природе богов», «О дивинации» и «О судьбе» обсуждение теологических и теогонических явлений и проявлений ведется не как самоцель, но для определения места религии в ряду прочих общественных установлений. Существующая обширная античная теогоническая литература также не затрагивает догматических основ античной религии.

Диахроническое и пространственное разнообразие структуры и принципов сложения конкретных пантеонов, тесная связь культов и религиозных учреждений с государственной идеологией и институтами, выделение «домашних» и «народных» элементов религии привели ученых - антиковедов

к приоритетному исследованию реалий ритуально-религиозного быта древних греков и римлян, как на уровне частном: отдельного человека, семьи, так и на уровнях различных религиозных сообществ, социальных групп и страт, вплоть до государственного. И лишь небольшое количество исследователей античной религии сосредоточили свои интересы на личном отношении человека к божеству, божественности, идее бога, среди которых в первую очередь следует вспомнить Вернера Йегера, Эрика Робертсона Доддса и Андре – Жана Фестюжера.

Попытки систематизации и синтеза наших научных знаний преимущественно ритуалистического толка неоднократно предпринимались в мировой историографической практике XIX-XX вв., среди которых наиболее важными мне представляются работы Х. Вискеманна, К. Р. Пабста, Х. Р. Петерсена, П. Фукара, А. Буше-Леклерка, О. Рубензона, Л. Блоха, А. В. Никитского, Н. И. Новосадского, Л.Р. Фарнелла, Ф.Ф. Зелинского, Дж.Е. Харрисона, В.В. Латышева, М.П. Нилльсона, В. Буркерта, Дж. Шайда, Ж.-Н. Робера, Е.М. Штаерман, А.С. Русяевой и др.

Частные проблемы античных (особенно римской) религий вызывают последние 20 лет пристальное внимание отечественных исследователей (работы Э.Д. Фролова, книга Е.В. Приходько, статьи О.В. Сидорович, Ю.Б. Устиновой, А.Б. Шарниной, Е.И. Сурикова, коллективная монография «Религия и община в Древнем Риме» (М., 1994) и др.

Показателен возросший в последнее время интерес отечественных исследователей к проявлениям религиозной жизни античных городов Северного Причерноморья : я имею в виду работы А.С. Русяевой, Н.П. Сорокиной, А.А. Масленникова, С.Ю.Сапрыкина, В.М. Зубаря, Н.В. Молевой, В.Н. Зинько, Н.И. Сударева, В.А. Хршановского, С.Б. Ланцова и др., интерес, поддерживаемый в основном работами, базирующимися на археологических и частично на эпиграфических источниках.

В меньшей степени анализируются материалы письменных источников, хотя именно из них можно почерпнуть не только значительное количество фактологического материала о различных проявлениях религиозной жизни греков и римлян, но и некоторые рассуждения античных авторов по поводу этих проявлений.

Значительные и лишь в очень малой степени использованные специалистами материалы представляет «География» Страбона, сочинение, созданное на рубеже н.э. греческим автором проримской ориентации и в значительной степени романизованного менталитета. Уже само обилие и разнообразие религиозных материалов в «Географии» говорит о значительности их роли как в жизни современного Страбону общества, так и в мыслях и рассуждениях самого географа. Отношение Страбона к религиозным вопросам достаточно серьезно, хотя подчас можно заметить известный скептицизм в основном в изложении религиозной конкретики. Описание религиозной конкретики занимает существенное место в «Географии», откуда можно

слаждением (ἡδονῆ) и мастерством исполнения (καλλιτεχνία) приводят нас в соприкосновение с божественным по следующей причине.

Ибо неплохо сказано следующее: люди особенно подражают (μιμεῖσθαι) богам, когда творят добро (ὅταν εὐεργετῶσιν). Но лучше бы кто-то сказал: когда они счастливы (ὅταν εὐδαίμονῶσι), а это [состояние счастья – Л. Г.], [когда человек] радуется (χαίρειν), участвует в празднествах (ἐορτάζειν) и философствует (φιλοσοφεῖν) достигается и музыкой (μουσικῆς ἀπτεσθαι). Ибо, если случается, некое отклонение к худшему, когда музыканты обращают своё искусство для возбуждения чувственного наслаждения на симпозиях, в музыкально-танцевальных (θυμήλαις) и сценических (σκηναίς) [представлениях] и [прочих увеселениях] такого рода, не надо порицать её, но надо исследовать природу воспитания (ἡ φύσις ἢ τῶν παιδευμάτων), берущую начало оттуда [из музыки – Л. Г.]» (Strab., X, 3, 9. Ср.: VII, fr. 51; X, 3, 19).

Пытаясь осознать природу божественного и механизм его воздействия на человека, Страбон в первую очередь отмечает, что смысл экстатических проявлений «куретов», «кабиров» и «корибантов» вполне вписываются в уже существующее (наличное) богословие: они приводят к одному «сходятся в одно (εἰς τὸ συμφέρεσθαι)». То же самое выражение географ употребляет в пассаже XVII, 1, 36, где говорит, что деятельность Природы и Провидения (Божественного Провидения) «приводит к одному». Состояние праздничной отрешённости (ἄνεσις ἐορταστικῆ = otium) может дополняться и расцветиваться божественной одержимостью (ἐνθουσιασμός), музыкой, таинственностью, мистикой, но может обойтись и без них. Это всё диктует природа (φύσις). Именно отрешённость уводит разум от человеческого и обращает его к божественному. Божественная одержимость⁶ может посетить любого человека, но особенно свойственна роду людей, наделённых даром пророчества (τῷ μαντικῷ γένει). В любом случае причина ἐνθουσιασμός – некоторое божественное побуждение (вдохновение) (ἐπίπνευσις θεία). Отмечу, что русское слово «вдохновение» семантически ушло гораздо дальше от слова «дыхание», «вдох», «дышать», чем греческое «ἐπίπνευσις» от слова «πνεῦμα», т.е. греческое «вдохновение» несколько физиологичней русского. Экстатическое же состояние при совершении религиозных обрядов достаточно часто возникает и у современных людей, оно свойственно разным религиям и людям разного психического склада, но в разной степени. Божественное по природе своей обособлено от человеческого и ускользает от человеческого восприятия, избегая его. Хотя изначально «[Божественное] Провидение, будучи в некотором роде вышивальщиком узоров (ποικίλτρια) и творцом (δημιουργός) бесчисленных произведений возжелало сначала породить живые существа (ζῷα), сильно отличающиеся

⁶ Перевод греческого слова ἐνθουσιασμός словосочетанием «божественная одержимость» не совсем корректен, но русское слово «энтузиазм» имеет в современном языке совсем иное значение. Точная передача значения греческого ἐνθουσιασμός на русский язык затруднена.

богов, часто приводя при этом в подтверждение собственных рассуждений цитаты из Пиндара, Гесиода, Еврипида, Софокла и других «древних авторов», авторитет которых для него очень высок (Strab., X, 3, 11-22. Ср.: VII fr. 51). В конце этого экскурса Страбон признаётся: «Мы [т.е. «я» – Л. Г.] вынуждены очень много говорить об этом, хотя и очень не любя вдаваться в мифическое, поскольку проблемы эти (τὰ πράγματα ταῦτα) имеют отношение к учению о божественном. Ведь всё учение о богах (πᾶς δὲ ὁ περὶ τῶν θεῶν λόγος) исследует древние представления и мифы, поскольку древние [люди] говорили туманно о своих природных представлениях (ἃς εἶχον ἐννοίας φυσικᾶς) об этих вещах и всегда добавляли миф в [свои] учения (λόγος). Разгадать все загадки точно нелегко, но выведя на суд большое количество мифологических сказаний, как согласующихся между собой, так и противоречивых, можно было бы легче [путём сопоставления] извлечь из них истину» (Strab., X, 3, 23). Приводя далее конкретный пример мифов, повествующих о «скитаниях по горам ревностных служителей богов и самих богов и их божественном вдохновении», Страбон делает вывод, что их передают по той же причине, по которой [люди], «считают богов небесными существами, заботящимися о прорицаниях и о других вещах (νομίζουσι τοὺς θεοὺς καὶ προνοητικοὺς τῶν τε ἄλλων καὶ τῶν προσημασιῶ)». «Таким образом представляется, что горное дело, охота и поиск необходимого для жизни (ζητητικὸν τῶν πρὸς τὸν βίον χρησίμων) родственны «скитаниям по горам», а шарлатанство (τὸ ἀγυρτικόν) и ворожба (γοητεία) близки божественному вдохновению (τῶν δ' ἐνθουσιασμῶν), религиозному обряду (θρησκείας) и прорицаниям (μαντικῆς)» (Strab., X, 3, 23).

Рационалистическое объяснение мифотворчества и, соответственно, самих мифов проходит через всю «Географию». Страбон, как мне уже приходилось говорить и писать, подробно останавливается на воспитательной роли мифов. Рассуждает он о роли мифов в воспитании нравственности конкретного человека и пользе их для государства⁷. Он категорически против того, чтобы выдавать нечто мифическое «под видом истории»⁸.

Рационалистическое же объяснение мифологии, относящейся к религиозно-культовым сюжетам, равно как и историко-рационалистическое исследование многих религиозно-культовых реалий, свойственно ему в высшей степени.

⁷ Strab., I, 2, 8-9; III, 2, 12; VII, 7, 10; XVII, 3, 3 и др. Подробнее см.: Грацианская Л. И. «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР 1986. М., 1988, с. 147-150.

⁸ Strab., I, 2, 35; 3, 23; II, 3, 5; VII, 3, 1; IX, 1, 19; 3, 12; XI, 4, 3; 5, 3; 6, 3; XV, 2, 7; XVI, 2, 17; 4, 16; XVII, 52; 3, 3; 8.

L.I. Gratsianskaya

**THE PLACE OF THEOLOGY IN TEMPORAL LITERARY SOURCES
(THEOLOGICAL SURVEY OF STRABO)**

Summary

Divine power ran through all spheres of life of ancient Greeks and Romans during the existence of antiquity. Concrete manifestations of ancient religious mentality and ritual were diverse and varied diachronically both in geographical and social spaces.

Rationalistic explanation of mythology creation and the myths correspondingly runs through all «Geography» of Strabo. The ancient author mentions educative role of myths. Strabo discusses the role of myths in the process of upbringing concrete human's morality and their benefit for the state. He strongly objects the idea of passing anything mythological off as History. Rationalistic explanation of mythology relying to religious and cult plots as well as historical rationalistic survey of many religious and cult phenomena is extremely peculiar to him.